

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ВОЗРОЖДЕНИЕ КРАСОТЫ

Полнобортное домостроение и архитектура — такие ли уж это несовместимые понятия?

АРХИТЕКТУРА — это подза, пропитость, красота! Так сказал великий Витрувий еще в первом веке нашей эры. С тех пор это триединое понятие архитектуры пыталось искусство зодчих всех времен и народов. Парфенон и Кинси, собор Святого Петра и церковь Покрова на Нерли, Кремль и Дворец дожей, Афин, Париж, Самарканд, Ереван... Много прекрасных городов на свете, и каждый из них рождался в воображении, имея только одну естественную архитектурную оболочку. Нелюбовники Киев, Минск, Кишинев, Севастополь, Волгоград, вставшие из пепла войны. Прекрасны города первых пятилеток — Магнитогорск, Новокузнецк.

В шестидесятые годы, как и теперь, ежегодно возникало по 20 новых городов. А что можно вспомнить среди этих братьев-близнецов? Пожалуй, Зеленоград, Шеллевино, Навои, Дивногорск — и все. Такова цена полнобортных, лишенных образа городов. Что же произошло? Зодчих талантливых не стало? Отнюдь нет.

Как известно, печально аманентное установление 1956 года об устраниении так называемых архитектурных излишеств, провозгласившую новую эру полнобортного домостроения, являлось зачеркнутой архитектурой как искусство. Сотни одинаковых заводов крупнопанельного домостроения за тридцать лет покрыли всю страну одинаковыми серыми коробками. Многие годы Госстрой СССР с законодательным порядком запрещал вносить какие-либо изменения в типовые проекты.

Деградиция архитектуры в массовом жилищно-гражданском строительстве была доведена до абсурда. Простая архитектура за мизерную плату превратилась в типовую архитектуру, лишавшуюся индивидуальности. В наше время произошло искусственное разделение труда. Архитектор стал только проектировать, строитель — только строить. В последние годы проблемы совместного труда двухединного проектно-строительного процесса решали просто и эффективно под лозунгом «Архитекторы — на леса!». Тогда еще архитектор-автор был авторитетным и уважаемым человеком на стройке. С 1956 года все, кроме архитекторов, стали понимать архитектуру как нечто оторванное, несвязанное, лишнее «украшательство», мешающее индустриальной поступи строительства.

Но так уж устроен человек, он не может жить без красоты, и время работало на архитектуру, на ее возрождение. За эти годы архитекторы, не ушедшие «в подполье», научились управлять домостроением, познали его законы и даже в условиях жесткой технологии искали и продолжали искать новый язык индустриальной архитектуры. От робкого приспосабливания к типовым «коробкам» мы перешли на улучшенные серии. Нацито отходили от разного рода производных коммат, совмещенных санузлов, бездумного выжимания жилой площади. Смело экспериментировали с блоковой, конфигурацией, казалась бы, жестких параллелепипедов, изгибая, ломая их, превращая в своеобразные структуры, вплоть до круглых в плане домов. Применяли многовариантные и построенные элементы и архитектурных деталей.

Наконец, от привязки готовых типовых домов к блочному секционному методу, что явилось крупным прогрессивным шагом по пути разнообразия застройки, комбинированного ансамблевого ее решения, создания более полноценной эстетической жилой среды.

В конце семидесятых — начале восьмидесятых годов мы провозгласили лозунг «Архитекторы — на заводы!», и это дало свои результаты. Но только путем совместной творческой работы архитекторов и домостроителей оказалось возможным достичь определенного прогресса в новой индустриальной архитектуре.

Теперь, когда мы, архитекторы, восьмидесятых, часто возвращаемся к этому вопросу?

В наше время произошло искусственное разделение труда. Архитектор стал только проектировать, строитель — только строить. В последние годы проблемы совместного труда двухединного проектно-строительного процесса решали просто и эффективно под лозунгом «Архитекторы — на леса!». Тогда еще архитектор-автор был авторитетным и уважаемым человеком на стройке. С 1956 года все, кроме архитекторов, стали понимать архитектуру как нечто оторванное, несвязанное, лишнее «украшательство», мешающее индустриальной поступи строительства.

Но так уж устроен человек, он не может жить без красоты, и время работало на архитектуру, на ее возрождение. За эти годы архитекторы, не ушедшие «в подполье», научились управлять домостроением, познали его законы и даже в условиях жесткой технологии искали и продолжали искать новый язык индустриальной архитектуры. От робкого приспосабливания к типовым «коробкам» мы перешли на улучшенные серии. Нацито отходили от разного рода производных коммат, совмещенных санузлов, бездумного выжимания жилой площади. Смело экспериментировали с блоковой, конфигурацией, казалась бы, жестких параллелепипедов, изгибая, ломая их, превращая в своеобразные структуры, вплоть до круглых в плане домов. Применяли многовариантные и построенные элементы и архитектурных деталей.

Наконец, от привязки готовых типовых домов к блочному секционному методу, что явилось крупным прогрессивным шагом по пути разнообразия застройки, комбинированного ансамблевого ее решения, создания более полноценной эстетической жилой среды.

В конце семидесятых — начале восьмидесятых годов мы провозгласили лозунг «Архитекторы — на заводы!», и это дало свои результаты. Но только путем совместной творческой работы архитекторов и домостроителей оказалось возможным достичь определенного прогресса в новой индустриальной архитектуре.

Кто это в Новокузнецке, тот найдет эти смелые эксперименты в микрорайонах № 18, 18а, 13 Заводского района, где были построены домные, дугообразные, кольцевые дома. Дома с различными витражами, ограждениями балконов и лоджий.

Средоточием всех творческих поисков архитекторов стал новый центр города Новокузнецка, в особенности новая часть улицы Кирова, которую с полным правом можно назвать архитектурным ансамблем, являющимся примером того, как в условиях жесткого полнобортного домостроения из типовых проектов можно сделать нетиповую архитектуру.

А эксперимент продолжается, ширится в новых жилых массивах — по улицам Франкфурта, Тольятти, на Ильичке, в Новой Байдаевке.

Вкус к архитектуре появился не только у новокузнецких архитекторов, но и у строителей, заводчик Новокузнецкого ДСК, что особенно отдало. Строители уже не хотят строить просто типовые коробки и ждут все новых и новых архитектурных решений. Надеюсь, что этот процесс будет необратим. И хочу заметить, что все это стало возможным в Новокузнецке в результате активной поддержки творческих начинаний архитекторов со стороны горкома партии, постоянного внимания к застройке города его первых руководителей.

На мой взгляд, многие годы обстоили дела с крупнопанельной архитектурой в областном центре (да простят меня кемеровчане, упорно не желающие признавать положительный опыт Новокузнецка). Отдавшие всплески, конечно, были и есть. Шалогарья, например. Но даже в этом микрорайоне результаты пока нельзя назвать удовлетворительными, ибо там нет полноценной жилой среды.

Всплески есть. А в основном же почти весь Ленинский район города Кемерово застроен пока весьма однообразно.

В последние три-четыре года появились надежды, что кемеровские архитекторы и строители смогут, если захотят, решать вопросы архитектуры не хуже новокузнецких, идя при этом своим путем. Пример тому — известный дом-звезда на Октябрьском проспекте, новые дома в микрорайоне № 26 по Ленинградскому проспекту.

Однако таких примеров пока еще мало. Перестройка в сознании домостроителей идет медленно, а кое-где вообще не вышла из состояния застоя.

Особенно это касается всех угольных городов Кузбасса, где, пожалуй, Прокопьевска, кроме на Тыргане местами есть проблески творческого отношения к новой застройке, хотя цельные решения нет и там. В чем дело? Ведь Междуреченск, Миски, Осинники, Прокопьевск, Киселевск, Белово проектируют Новокузнецкие зодчие (Анжеро-Судженск, Березовский, Ленинск-Кузнецкий — кемеровчане).

Насоблицу стоит горный Тагил. Он почти сплошь кирпичный, и уж это одно, казалось бы, должно дать ему свой образ. Однако фантазия тех же новокузнецких архитекторов на этот удивительный город не хватает.

Мало хорошо можно сказать про Юрг, до кото-

рой не доходят руки у кемеровских зодчих. Как и об архитектуре новостроек в малых городах области, таких как Гурьевск, Салаир, Топки, Тайга, Мариинск.

Понятие, что «импортировать» архитектуру из Новокузнецка и Кемерово, а в не нужно. Да и когда смотришь проекты для этих городов, то вроде бы все есть. Но нет главного — души, творческого горения. Многие архитекторы дальние проекты не идут, только возмущаются, что в натуре строится все не так.

В последнем повине преиде всего комбинат «Кузбассстрой», который вроде бы много делает по строительству и реконструкции своих заводов КИДС в угольных городах, но ориентируется на внедрение серии «97» в далеком и полной номенклатуре и неохотно идет на всякие новшества.

Справедливости ради следует сказать, что поиски новых направлений в архитектуре часто заходят в тупик и не находят реализации из-за пассивного отношения не только строителей, но и заказчиков. И, главное, руководств некоторых городов, поддержка которых просто необходима.

И, конечно, по-прежнему наличием претворения является качество изделий, качество строительных и отделочных работ. Многие архитектурные решения сводятся на нет из-за откровенной халтуры строителей. Если мы не сумеем кардинально поднять качество, никакая архитектура нас не спасет.

Посмотрите на застройку угольных городов последние годы. В далекие и трудные пятидесятые годы были заложены прекрасные жилые кварталы, улицы, площади. Кто не знает замечательный проспект Шахтеров в Прокопьевске, его драматичный, первый в Кузбассе плавательный бассейн, первый стадион, первый Дворец спорта?

Красивы улица Ленина в Киселевске, улица Кирова в Ленинск-Кузнецком, проспект Советский в Белове, проспект Коммунистический в Междуреченске, улица Ленина в Осинниках.

Примеры три лет можно продолжить, а что мы можем назвать из современной застройки?

Заводской район Междуреченска — многие годы сплошная строительная площадка безликих одинаковых серых домов. Унылый серый Красный Камень в Киселевске. Хаос в северной части Ленинск-Кузнецкого.

Где же знаменитая прелесть в архитектуре, позволявшая во все времена создавать цельные города на протяжении веков?

Поклонение технологии заводского домостроения, боязнь что-либо изменить привели к открытию современной застройки городов от их исторической части. И произошло это лишь потому, что из постулата Витрувия (польза, прочность, красота) было выброшено последнее — красота, которая вроде бы стала ни к чему.

В архитектуре понимают все — это хорошо и плохо. Хорошо потому, что можно всем миром поставить задачу эстетики. Плохо потому, что это всеобщее, особенно в руководящем хозяйственном звене, «понимание» в архитектуре скрывает индивидуальность профессионалов-архитекторов, лишает их возможности принимать самостоятельные решения.

А всеобщность строителей парализует творческую волю архитекторов, особенно молодых, необстрелянных, которые и не пытаются что-либо сделать, но им со школьной скамьи внушили: как жить в стране, строители все равно не создадут и сделают по-своему.

АРХИТЕКТУРА — это борьба, постоянная борьба неизвестно с кем и за что, без награды и регалий. Это не всякому по плечу. Надо быть зодчим до мозга костей.

Таких у нас в области доберется десяток, может быть, два. Вот и нет архитектуры, ибо до обидного мало архитекторов: Все это знают, но делают вид, что не замечают...

Знают ли кузбассовцы, что из двадцати городов области лишь в пяти главные архитекторы имеют высшее специальное образование? О районах и говорить не приходится, там работают техники-строители, в основном женщины. Не в почете эта должность — хлопотная, малооплачиваемая, никто не хочет быть на побегушках у председателя горрайисполкома.

Но творческая мысль не угасает, наоборот, не дает покоя. Какая она, архитектура, уж коли она сборная, должна быть в ближайшей перспективе?

С 1983 года мы начали поиски нового направления в крупнопанельном домостроении, которое было названо кратко — КОПЭ. Комплексные, объемно-планировочные элементы — это как бы большие кирпичи панельного дома (константа — лестничная клетка и вокруг нее варианты жилых квартир, собранных из одинаковых по номенклатуре сборных элементов жилых комнат, кухонь, санузлов и т. д.). Таким, глубоким расчленением структуры сборного жилого дома дано интересное, перспективное результаты: разнообразие квартир, большой градостроительный и архитектурный эффект при значительном, почти в 2 раза, сокращении номенклатуры изделий.

Сегодня «Кузбассгражданпроект» уже разработал на основе КОПЭ пяти-, девяти- и десятиэтажные жилые дома, 12—16-этажные дома башенного типа, велет разработку встроенных в первые этажи учреждений обслуживания населения... Реальное воплощение системы КОПЭ получат на строящемся новом заводе КИДС в Новокузнецке, а первые такие дома, надеюсь, мы увидим уже в этой пятилетке.

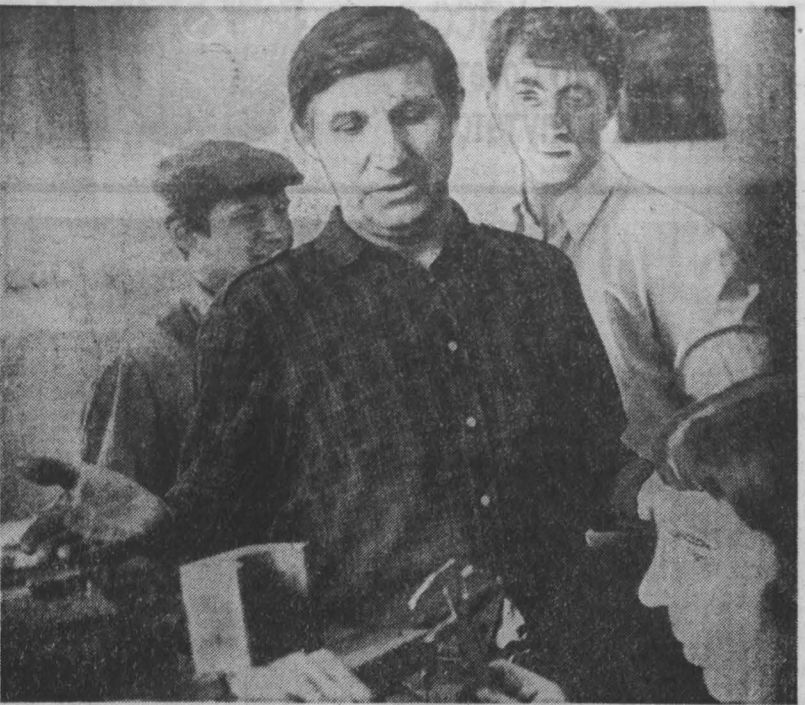
Мы пока не задаемся целью внедрять КОПЭ повсеместно, чтобы не прийти опять к тиражированию. Мы за поиск различных решений и будем их всячески поддерживать.

Архитекторы института «Кемеровгорпроект» по пути дальнейшего совершенствования серии «97» по так называемой лучевой системе, которая тоже может дать интересные результаты в создании жилых домовостроек.

В Юрге принято решение внедрять систему «Мобиль» по опыту Кивляна. Быстро-возводный завод КИДС на 50 тысяч квадратных метров проектирует красноречиво, а типовые проекты для Юрги разрабатывают кивляне.

Идет перестройка. С ней мы, архитекторы, связываем большие надежды. Надо сломать старую систему проектно-строительного процесса. Архитектура призвана служить народу, и нельзя позволять, чтобы она была плохой. Об этом шел большой и принципиальный разговор на VIII съезде советских архитекторов, со всей прямотой говорится в только что вышедшем постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии советской архитектуры и градостроительства». Верю, придет время истинной, большой архитектуры и в города Кузбасса.

Е. АВДЕЕВ,
заведующий отделом по делам строительства и архитектуры облисполкома, заслуженный архитектор РСФСР.

В ЦЕНТРАЛЬНЫХ электромонтажных мастерских № 1 недавно организована участок водорезки производства. Здесь изготавливают инструментальную оснастку, штампы, пресс-формы.

Руководит бригадой слесарей-инструментальщиков коммунист Дмитрий Иванович Прокудин. Его портрет занесен на городскую доску Почета.

НА СНИМКЕ: Д. И. Прокудин, Г. Прокопьевск.

Фото Н. Бабарыцкого.

Хотя письмо не опубликовано

КАК СПРЯТАТЬ КОНЦЫ В ВОДУ

ЭЛЕКТРИЧКА ТРОНУЛАСЬ... В ТУПИК

Миньель Кемерова В. Р. Миньель поделился тревогой по поводу бесхозяйственного отношения Кемеровской лесоперевалочной базы и древесины. По просьбе редакции Заводской областной комиссии по контролю за использованием лесных ресурсов Кемеровской области мы попросили его написать письмо.

«На правом берегу Томм, между речным вокзалом и железнодорожным мостом, действительно имеется древесина, принадлежащая Кемеровской лесоперевалочной базе и находящаяся в полномочном аварином состоянии. В основном это древесина лиственных пород, которая была пропущена в лесу. Специальная комиссия выявляет ее и транспортирует в аварийный цех».

Лесоперевалочная база продает лес организациям города, пригособившим совхозам и колхозам. Ничего вывезено 289,5 куб. метра леса на сумму 673; руб. 28 коп. Часть этого леса зата и за пределами полномочного цеха. Он занесен в кусты во время весеннего половодья. Сбросив на воду древесину в верховьях Томм начался 24 мая и продолжался до 7 июня.

Проверка показала, что отдельные граждане стараются использовать эту древесину в личных хозяйствах. В деревне Красной на личных участках вывезено свыше 70 куб. м. лиственной древесины. На вывозных составленных акты об оплате в массу предприятия, стоимости древесины. У нас введено 1549 рублей 89 копеек.

За эстетическое хозяйство и продажу круглого леса на И. Е. Булгаковские территории передадим в прокуратуру».

Комиссия продолжает обследование прибрежной части Кировского района и в деревнях, находящихся в ничейном течении реки Томм.

В. ТЮРИКОВ,
председатель комитета народного контроля Заводского района.

«Утоп» есть и во времена начала пассажирского отдела Беловского отделения железной дороги И. Н. Шулев и два режисора сели в электричку, идущую до разъезда «189-й км» и с первой минуты первого рейса до последней минуты последнего со скрупулезной точностью подсчитывали на всех без исключения остановках, сколько пассажиров вошло, сколько вышло. И выяснили, что в тот день ее воспользовались всего-навсего 567 человек. Причем почти половина рассчитывала прокатиться бесплатно.

Эти наблюдения послужили серьезным поводом для размышления о целесообразности одного очень полезного нововведения в Ленинск-Кузнецком. Дело в том, что городским властям здесь удалось «пробить» электропоезд на полному автобусу и троллейбусу, которые, как и везде, с перевозками пассажиров справляются плохо.

Оказалось, что электричка разгрузит маршруты до крупнейших в городе предприятий — навольно до шахтинского комбината, до шахты им. 7 ноября, объединенной «Ленинскимимпром». Благо Ленинск-Кузнецкий со своими крупнейшими предприятиями растянулся вдоль железной дороги.

С самого начала за осуществление плана валились опытные люди. И. Н. Шулев с начальником вокзала позаботился о билетах, заведующие отделами горкома партии и горисполкома А. Г. Коцур и К. Н. Храмова собрали по предприятиям желания по расписанию движения. На предприятия возложили оборудование платформ...

И тут возникла первая завязка. Ни к назначенному дню — 20 августа, ни к назначенному времени платформ мы так и не готовы. Лидерство в нераспорядительности захватили, как ни странно, строители ДСК и «Лениншахтострой».

Второй завязкой в том, что электричку по-настоящему почти никто не рекламировал. Хотя, подумаем, Беловское отделение пошло на значительные уступки, разрешив сделать дополнительные остановки. Не говоря уж о том, что электричка «срезала» с графика восемь грузовых поездов. Инженер-графист М. С. Стрельников дважды перерабатывал расписание по точкам времени, представляемым предприятиями. И все-таки удовлетворить всех не удалось.

Назавось бы, после этих неудач собраться бы ответственным представителям всех санитарно-экономических сторон и довести до конца доброе и весьма нужное для горожан дело.

Но почему до сих пор не могут они выкроить времени. Хотя эта попытка решить городскую пассажирскую проблему сразу же заинтересовала транспортников из других городов. «Примечательной ответственности за утонувший лес, и его линейный расчет на поимку «всего» леса — это не лес, как ведомственная хитрость. Способ спрятать концы в воду, свой убогек переложить на природу и государство. А баланс что, он всегда будет в ажуре».

Н. СЧЕТНИКОВ,
корр. газеты «Железнодорожник Кузбасса»,
г. Ленинск-Кузнецкий.

М. ЛОБАНОВА.

Город комсомольской юности

известия в предпраздничные дни Марии Войцеховны Лянге. В Анжеро-Судженске в 1917 году началась ее трудовая биография. Юная выпускница Томского педагогического училища стала воспитателем Пролетарского детского сада (именно так его называли) в Анжеро-Судженске. Краеведы считают, что это было первое в Сибири дошкольное детское учреждение. Жила же в те годы была заполнена до отказа. Как представительница интеллигенции, педагог, просветительница, она была всем нужна, особенно молодежи. Педагогом, с которыми она вела занятия в драмкружке, стали первыми в Анжеро-Судженске комсомольцами. За плечами Марии Войцеховны 92 года неважной жизни, труд, воспитание детей, семья, в которой было десять детей родных и трое приемных, тоже ставших ей родными. Многие пережили, но город комсомольской юности не забыл. С гордостью приняли из ее рук комсомольские билеты только что вступающие в ряды ВЛКСМ юности и девушки. Эстафета поколений продолжается.

НА СНИМКЕ: Мария Войцеховна Лянге и комсомолка Татьяна Архипова.

г. Анжеро-Судженск. Фото А. Блотникова.

